

ГЛАВА 1 КОСТЮМ

Голоса на грани сна и яви она впервые услышала именно в тот вечер.

Голосов было два, и оба — женские. Один — плотный, густой, басистый, и, если бы вдруг спросили, какого он цвета, Вовка бы запросто ответила: темно-фиолетового, баклажанного. Второй был тонкий и очень юный, не женский даже, а девичий, желто-золотистый.

О чем эти двое говорили, Вовка запомнить не смогла. Когда засыпала, казалось, будто о чем-то невозможно важном, а когда проснулась, от слов остались одни только оболочки. Отсветы голосов: фиолетовый и желтый.

Ко снам Вовка относилась скептически. Ну привиделось. Ну прислышалось. Всякое бывает. Но эти голоса вспоминались так по-настоящему, что хоть рукой трогай. Будто и правда в квартиру влезли две дамочки — тяжелая, как пузатая гиря, и тонюсенькая, как струнка — и зачем-то переругивались прямо у Вовки над ухом.

Это была не единственная странность. С тех пор как Вовка установила то злосчастное приложение, все пошло наперекосяк. Но разве можно винить какую-то глупую программку в том, что, например, отключили электричество?

Когда свет потух, вся квартира стала каким-то чужим, непонятым лабиринтом, в котором может случиться что угодно. Вот откуда в коридоре, на полке для шапок, банки с вареньем? Да еще и с клубничным (это Вовка выяснила, когда растирала по паркету красные осколки), а у родителей на даче отродясь не водилось клубники. Или Яшка, например: только что ныкался под ванной, сверкал цветными глазищами из-за тазиков, и вот он уже в кухне, на хлебнице, ждет своего любимого бородинского, будто из портала вышел. Но Яшка — кот, а с котами всегда какая-то чертовщина. Хорошо, а что насчет папиного костюма для конференции? Маячил себе в родительской спальне, свесившись на плечиках с люстры, а Вовка точно знала: не мог папа его забыть. Ну никак не мог!

Они с мамой уехали в пятницу. Опять на конференцию, в какой-то там Энск — точное название Вовка никак не могла запомнить. Вернуться обещали к вечеру воскресенья.

— Смотри, не разгрови квартиру, — пригрозил папа и за чем-то лихо подмигнул: — Ух!

Что там за «ух» имел в виду папа, Вовка не поняла, потому что никакому «ух» после маминых наставлений шансов все равно никогда не оставалось.

— Обязательно ешь курицу. Вот тут — овощи, макароны, картошка.

Мама вытаскивала один за другим контейнеры.

Вовке хотелось поспорить, что чисто технически картошка — тоже овощ, но по маминому виду было ясно: шутить она не расположена. Впрочем, как и обычно. Если шутить — это с папой.

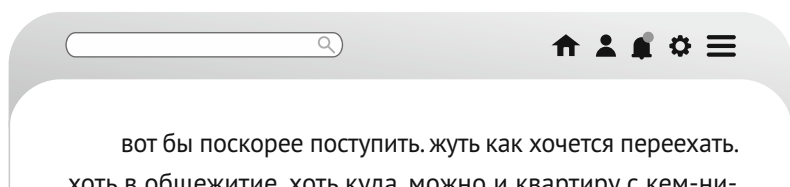

— Буйных гостей не води, — бросила мама, — не забудь про урок в субботу, тренируйся, чипсы-сухарики не покупай — я все по карточке вижу. Ну давай, дочь, отдыхай.

Чмокнула Вовку мимо щеки, куда-то в ухо, встряхнула чехол с костюмом и убежала вслед за папой.

Стоило двери закрыться, как Вовка занялась важным: своим онлайн-дневничком.

вот бы поскорее поступить. жуть как хочется переехать. хоть в общежитие, хоть куда. можно и квартиру с кем-нибудь снять, только бы найти адекватных девчонок. получится ли? страшно. не умею я заводить друзей. или умею, просто давно не пыталась?.. не знаю... еще и работу по вечерам найти придется. но иначе — никакой квартиры. а я очень хочу жить отдельно. нет больше сил с родителями. как маленькая. то нельзя, это нельзя... а мне в сентябре уже семнадцать. хоть бы в паспорт посмотрели, что ли... и что это такое вообще — не комната, а проходной двор! надоело диван раскладывать.

хочу самостоятельную жизнь. настоящую взрослую жизнь.

Вовка и вправду спала не слишком удобно: на старенькой тахте в комнате, которую родители то величали залом, то звали просто-напросто гостиной. Вот и Вовке казалось, что даже у себя дома она — гостя. Постель утром следовало сложить в диванный ящик, и если бы не рабочий стол, заваленный учебниками и нотами, да лаковый «Красный октябрь», под клавиатурой

которого Вовка в детстве царапала каракули, то можно было бы и не разобрать, что здесь вообще кто-то живет.

ничего, скоро уже. опять разнылась, — отписалась в комментариях volnushka00, Вовкина лучшая подруга. По документам она была Олей, но предпочитала называться Лёлей.

И что, ты только в один универ подаешься? Не страшно?) А вдруг не поступишь?)) — написал какой-то неизвестный booben_knopp (и что за ник-то такой?), на что Вовка раздраженно ответила:

поступлю. я точно знаю.

Так же говорила и Марьяна Леопольдовна: «Со мной — поступишь».

Именно поэтому Вовка и ходила к ней по субботам — готовилась к вступительному по вокалу. Не довериться властной старушке из приемной комиссии было невозможно.

В конце концов, баллы ЕГЭ у Вовки были приличные. И очень даже: пока что она расположилась в самой верхушке списка, и дело теперь оставалось за малым — «творческим экзаменом». За этим жутким вступительным по вокалу.

Удачи тебе, все у тебя будет! — написал какой-то mcgrjk.

Другой неизвестный по имени cookiesh добавил:

Ха, восемнадцать. Думаешь, в восемнадцать все сразу по-взрослому станет? Шла бы лучше учебники читать, а то все тут больно взрослые, а в голове — сквозняк.

На комментарий Кукиша Вовка обиделась. Поступала она на вокальное, и учебники ей требовались куда меньше, чем плотный, хорошо поставленный голос. Но не будешь же объяснять это непонятно кому. Начнется ведь: ха, еще одна певичка, мечтай-мечтай!

А Вовка не то чтобы и мечтала. С самого детства ей твердили, что у нее красивый тембр, вот как-то само и вышло, что не петь не получилось. Удавалось неплохо — даже суровая Марьяна Леопольдовна нет-нет да роняла скупую похвалу: «Хорошо».

У Марьяны Леопольдовны и до «удовлетворительно» было как до звезд и обратно.

Нравилось ей петь или нет, Вовка не знала. Вот в чем она была уверена, так это в том, что мечтает съехать. *Свалить*. Наконец-то *слиться*, как она иногда называла это в дневнике.

Потому и выходные без родителей казались ей подарком выше всяких чаяний. Целая квартира — и для нее одной!

Но после установки того дурацкого приложения все стало не так.

Какой-то *mad_catter* оставил в ее дневнике комментарий:

когда экзамен? удачи! скачай себе джинна, сдашь стопудово!))

По ссылкам Вовка обычно не переходила, но на джиннов ей в последнее время везло. У нового интернет-провайдера листовки пестрели синими толстяками в цветных фесках, похожий джинн мелькал на рекламках у метро, зазывал в чебуречную. И даже в приемной комиссии, куда она накануне заносила последние документы, на большую доску со списками, расписаниями и объявлениями кто-то пришил маленький значок со знакомой голубой фигуркой — такие обычно носят на куртках, на рюкзаках, а тут зачем-то прикрепили к доске. На удачу?..

И Вовка лениво перешла по ссылке. С джиннами она уже как-то сроднилась.

Открылась страничка приложения-«исполнителя желаний». Ну ясно же, джинны — это про желания. Очередная бестолковая игрушка... Но бесплатная. Скриншоты были красивые. Отзывов — несколько тысяч, и все по четыре-пять звезд. Столько не нагонишь никакими ботами, слишком уж много мороки.

Вовка все-таки вытащила телефон, разыскала приложение и нажала «скачать». Загружалось оно долго, и Вовка успела проверить и «Инстаграм»*, и «ВКонтакте», а потом даже зачем-то залезла в старперский «Фейсбук»*, хотя друзей у нее там было раз-два и обчелся.

«Джинн» наконец загрузился, и Вовка ткнула в иконку.

По экрану разъехался синий толстяк.

«Готова к сбыче мечт?» — значилось в углу.

Вовка хмыкнула и нажала на зелененькое «да».

Джинн пыхнул дымком, развернул свой призрачный хвост, мигнул, и приложение вылетело. Вовка нажала на иконку еще раз, но ничего не произошло. Запускаться «Джинн» больше не хотел.

— Ну и к черту, — разозлилась Вовка.

Вот после этого-то свет и моргнул. Один раз, другой, как будто примерялся, а потом вдруг взял и отключился окончательно.

Конечно, приложение здесь было ни при чем. Но как-то приятнее, когда виновный найден — ну или хотя бы заподозрен.

Впрочем, страшно не было. Даже жутко весело: вот бы подольше продержался этот блэкаут!

С электричеством в их доме дела обстояли не очень. Отключали без предупреждения, на минуту, на час, на два. Объявлений уже не вешали, бумаги не напасешься. Соседи бурчали,

возмущались, писали какие-то жалобы, но свет от этого лучше не горел.

Вовка натаскала из кухонного шкафчика свечей, расставила их у себя в зале кругом на протертом ковре, села в центр и вообразила себя ведьмой.

Ноутбук держал заряд плохо, но Вовка знала, что долго ночное бдение не продержится. Что бы там с проводкой в старом доме ни творилось, чинили все быстро. Она пообновляла страничку со своим дневником, поменяла аватарку, пробежалась по списку постоянных читателей. Все то же, ничего нового. Так Вовка и сидела, пока спина не заболела и не пришел с котоспекцией Яшка: устроился рядом с Вовкой, обкрутил лапы хвостом и стал жмуриться на свечи.

На ведьминога кота Яшка не тянул совсем. Шерсть у него была грязно-белая, как слякотный мартовский снег, путаная, а вылизывая себе шею, Яшка непременно цеплялся колючим языком за космы и долго еще не мог их прожевать. Ни изящества, ни загадки. Но Вовка любила Яшку. Единственное, что омрачало ее мечты о самостоятельной жизни, так это то, что в общежития с котами нельзя. Вообще-то Яшку завела мама, и технически он принадлежал ей, да и Вовка раньше любила рыжих — они такие яркие! Но с Яшкой она так сроднилась, что о других котах больше и не думала.

Электричество меж тем не включали. Вовка позвонила Лёле, поругалась с длинными гудками, не дождалась. Заглянула во «ВКонтакте» — не онлайн; пролистала ее «Инстаграм»* — все то же, никаких новостей; написала в «Ватсап»*, но и там Лёли не было.

Вовка повалялась еще немного в своем ведьмовском круге, отлежала живот, чуть не подпалила носок, и ноутбук замигал зарядом. От нечего делать она отправилась раскладывать тахту.

В сизой, пахучей дымке от десятка затушенных свечей колыхались уличные тени, и убаюканная мерным движением Вовка быстро заснула.

Первую дремоту прервал телефонный звонок. Вовка подумала, что это Лёля — ну конечно, Лёля увидела пропущенный! — но оказалось, что это какой-то «Неизвестный номер».

Вовка не любила такие вызовы и предпочитала на них не отвечать. Ну что за человек засекретит номер? От кого он скрывается? Что такого случится, если абонент увидит какие-то там циферки, которые тут же и позабудет?

Но в этот раз Вовка ждала Лёлю — мало ли что случилось, от кого та перезванивает — и потому подняла трубку.

Только в ответ на ее «алло» молчали. Ни звуков дыхания, ни шуршания, ни транспортного гула. Тишина, и все тут.

— Я слушаю! Говорите!

Но звонивший не отвечал. Вовка отняла трубку от уха и глянула на экран: нет, не разъединилось, звонок все еще шел. Тогда она просто нажала «отбой».

Больше в этот вечер никто не звонил, и Вовка потихоньку уснула.

Вот тогда-то, задремывая, она в первый раз и услышала те голоса. Желтый и фиолетовый. Но значения этому полусну не придала.

Свет не дали ни наутро, ни днем, когда Вовка уже засобиравалась к Марьяне Леопольдовне. Ни в «Ватсапе»*, ни в «Телеграме» Лёля не отвечала. Ну конечно, забыла, что у Вовки такая возможность — квартира без родителей. Веселится где-нибудь без нее... Вот тебе и подруга.

Дорога к Марьяне Леопольдовне занимала ровно тридцать одну минуту, и на эту разнесчастную минуту Вовка всегда опаздывала. Ну не умела она выходить заранее.

Но сегодня Марьяна Леопольдовна не поджала, как обычно, губы, встречая свою непунктуальную ученицу в дверях. Открыла Вовке тетя Галя, соседка из первой комнаты, необъятная, вся какая-то сизая, поношенная — от лица и до самых тапочек.

— А нет пока Леопольдовны, — объявила она, пропуская Вовку в душный, загроможденный коридор. Санки, коляска лежачая, коляска сидячая и трехколесный велосипед с лиловой бахромой на руле — поди протиснись. — Да ты проходи, проходи. Дверь она не запирает, посидишь, подождешь.

Марьяна Леопольдовна — статная, ухоженная, высокомерная — носила старомодные, но удивительно новенькие наряды. Она будто вынимала свои шляпки, шарфы и юбки из сундука, в котором консервировалось само время: никаких дырочек от моли, а ткани яркие, словно вчера только красили. И эти вот ее бесчисленные бусы? Под каждый туалет у Марьяны Леопольдовны находился свой аксессуар — тщательно подобранный под цвет, будто пипеткой в Фотошопе. И духи она носила приятные, не какую-нибудь там «Красную Москву» из закромов пронафталиненного шкафа.

Вот почему, впервые переступив порог ее обиталища, Вовка так изумилась. И эта элегантная, суровая пожилая дама живет в какой-то занюханной коммуналке? Но если в коридоре зимой намерзал лед, в туалете ржаво протекал бачок, а на кухне витал душный аромат газа и спичек, то в комнате у Марьяны Леопольдовны царил чуть ли не военный порядок и какая-то изолированная, собственная красота. Кружево из позапрошлого века, фарфоровые балерины и резной шкаф с хрусталем смотрелись

не пережитками прошлого, а почетными музейными экспонатами. И казалось вдруг, что Марьяна Леопольдовна с ее островком вышколенного, профессорского порядка когда-то владела всей квартирой, и только суровые времена заставили ее потесниться, впустив в свое жилье соседей в тельняшках, халатах и рваных тапочках.

— Да ты проходи, Влада, не стой столбом, — махнула рукой тетя Галя, по-хозяйски распахивая перед Вовкой дверь Марьяны Леопольдовны.

Вовку передернуло. Свое имя — Владислава — она терпеть не могла. Владой ей тоже называться не нравилось, так что она придумала краткое и бойкое мальчишечье «Вовка». Вот у кого еще такое? Уникально! Мама, конечно, в свое время охала. Где это видано — девочке зваться как дворовому пацану? А папа только ухмылялся и быстро подхватил новую кличку. За ним нехотя подтянулась и мама, хотя называла дочь не Вовкой, а как-то сконфуженно — «Вов».

Без хозяйки комната Марьяны Леопольдовны смотрелась сиротливо. Вовка чувствовала себя неуютно, словно ворвалась в святая святых без спроса, но по часам ее урок уже начался, а преподавательницы все не было и не было.

Не зная, куда себя деть, Вовка присела на табурет перед пианино и неловко приподняла крышку. Обычно она смотрела на инструмент с середины комнаты. Там, в центре ковра, на красном розане, она проводила целый час. Левая нога на двух лепестках, правая — на одном, крупном, по-южному жирном. Марьяна Леопольдовна, вытянувшись, как в каком-нибудь императорском женском училище, возвышалась на круглом табурете, заслоня от Вовки клавиатуру. Теперь она рассмотрела пианино как следует. Не «Красный октябрь», как у нее дома. Название звонкое,

непонятное: «Тверца». А клавиши — протертые до пузырькового, белошоколадного нутра, матовые, жесткие. Вовка взяла аккорд, второй и решила, что может пока и сама распеться. Делов-то.

На третьем упражнении за спиной тактично-раздраженно кашлянули, и Вовка развернулась. Щеки так и загорелись.

— Халтура это, дорогая моя, настоящая халтура, — объявила Марьяна Леопольдовна, складывая на трюмо ключи. — Все-таки явилась? Зачем тогда звонила, отменяла?

Марьяна Леопольдовна помахала ладонью, будто отгоняя блохастую псину, и Вовка вскочила с табурета.

— Тебе кто разрешил трогать инструмент?

Вовка только хлопала глазами.

— Так я же...

— «Я же»! Дыхательные делала? На неделе распевалась? Программу свою тренировала? Звучишь как мышь давленная. Сейчас вон кишки забрызжут. Спину выпрями, ребра — книжкой, вдох до самой попы. Ну?

Вовка хотела проямлить, что накануне вступительного ни за что бы не отменила занятие, но вместо этого только выпрямила спину, раскрыла ребра и вдохнула до самой попы. Перечить Марьяне Леопольдовне не получалось.

Домой Вовка возвращалась выжатая, как дряхлая губка, которую можно давить до бесконечности — все равно еще капелюшечка останется. Вот и Марьяна Леопольдовна так думала, гоня Вовку, как для марафона.

— Придешь ко мне еще раз во вторник. А в среду чтобы мне вот так вот не бляела. Понятно?

Опустились теплые летние сумерки, и Вовка, зевая, брела нога за ногу домой. Хотелось пить, есть и спать, но больше

всего — каких-нибудь «чипсов-сухариков». Хотя чем-то скрасить этот бестолковый день. И ладно, что увидят родители, — карта ведь привязана к их счету, а ни за молоком, ни за хлебом Вовка в магазин не ходит. Она вообще за «съедобными продуктами», как выражается мама, не ходит. Так что сообщения с очередной суммой из супермаркета — это, ясное дело, или чипсы, или сухарики, или зефир. В крайнем случае сливочное полено. Оно — исключительно под настроение, с него Вовка любила только слизывать крем. Арахисовую, твердую поленовую толщу она оставляла сушиться в холодильнике неделями, пока мама наконец с раздражением не выбрасывала ее.

В магазин Вовка заскочила без зазрения совести. Сегодня можно. Ведь скоро вступительный, а перед ним — еще одна попытка Марьяной Леопольдовной. Не неделя, а наказание.

Но карту терминал почему-то упорно не принимал.

— Не хватает средств, — пожалала плечами кассирша. — Попробуем другую?

Вовка хмыкнула. Другую! Откуда она возьмет другую? Принялась пересчитывать наличку. Монет хватило только на шоколадный батончик. Гуляем, что тут скажешь.

С улицы она позвонила папе. Неужели заблокировали карту от греха подальше, чтобы дочь не позволяла себе лишнего? Но папа не отвечал. Мама тоже.

Тогда Вовка вошла в онлайн-банк и проверила баланс. Там стоял округлый и однозначный ноль.

Так что же, и правда денег не осталось?

Дома Вовка снова набрала родителей и опять послушала гудки. В эти выходные это уже становилось навязчивой традицией.

Хорошо хоть на субботнее занятие денег оставили. А до вторника она еще успеет попросить... Но как же странно!

Недоуменно жуя батончик с сизым, лежалым шоколадным боком, Вовка устроилась на несобранной тахте с ноутбуком. Вот ведь безобразие, подушки валяются кое-как, одеяло сбито, постель целый день пылилась! Мама была бы в ужасе.

Вовка включила компьютер, но тот жалобно пискнул и вывел сообщение, что вот-вот сядет. Сумерки в комнате сгущались, и Вовка поняла, что не видит привычных зеленых цифр на электронных часах в углу. Неужели до сих пор нет света?

В опустевшей, обесточенной квартире было так безжизненно, что даже с Яшкой, извечно наводившим шороху, было как-то одиноко. Тот приутих и жался по углам, как будто его — это кто-то! — мрак тоже растревожил.

— Ну ясно, — бросила Вовка, взясь с замками, — ненастоящий ты кот, Яшка.

Сосед слева открыл не сразу. Его лицо, бурое и бесформенное, напоминало картофелину с «глазками». Вовку обдало дешевым, кислым сигаретным духом, и она едва не закашлялась. Если Михалыч смолит прямо в квартире, значит, жена его укатила на дачу. Еще бы, такая погода стоит!

— Чаво? — миролюбиво поинтересовался он, почесывая кривой пятерней живот.

Но Вовка уже заглянула ему через плечо: темно, равно как и на площадке перед лифтом, только где-то за углом пляшет теплый, пламенеющий, уж точно не электрический огонек.

— Здравств, Пётр Михалыч, у вас тоже света нет? — все же спросила она.

— Нетути. Уж сутки как, — согласился сосед. — Тебе, что ль, керосинку дать? У меня ж вторая где-то заваялась. Ты погоди...

Но Вовка замотала головой:

— Да нет, спасибо, Пётр Михалыч, не надо. Я пойду.

Сосед еще возился, шаркал тапочками, бормотал что-то, шебурша в потемках, но Вовка поскорее нырнула к себе.

Ну ясно, значит, точно не у нее пробки вылетели. Эх, надо было зарядить телефон у Марьяны Леопольдовны! Вовка тоскливо посмотрела на оставшиеся четырнадцать процентов и вздохнула. Если так и дальше пойдет, придется завтра с утра бежать в кафе. Но заказать-то что-то надо... А у нее денег нет. Вот ведь!

Тогда Вовка отправилась в спальню к родителям. У папы где-то лежал пауэрбанк. От него можно зарядиться, хоть ненадолго. Но где же он?

По спальне бежали тени. Скользили по потолку треугольные полосы уличного света: слева направо, слева направо. На карнизе колыхался в желто-сером полумраке мамин ловец снов — это Вовка ей сделала на день рождения. Без таблеток мама спала очень плохо, могла полночи проваляться, не смыкая глаз, и Вовка решила, что суеверная безделушка ей хоть чуточку да поможет. Мама вообще была нервозная, вечно беспокоилась по пустякам, поэтому и со сном у нее все время не ладилось.

Пока Вовка перерывала папину тумбочку, за спиной она ощутила какое-то шевеление. Обернулась, испугавшись сама не зная чего, но в сумраке, перемежавшемся колыханием света по потолку, не различила ничего необычного.

Кровать с металлическими шишечками в изножье. Комод с носком-языком, высунувшимся из ящика. Полка, уставленная фотографиями в разномастных, глупеньких рамках, артиллерия маминых пузырьков, раскиданные книги. Люстра поблескивает гранями стекляшек. В кресле — ворох одежды. У двери брошены старые ботинки, которые папа перед выездом забраковал. Все как обычно, только ужасно темно.

Но где же костюм?..

Вовка вдруг похолодела. Она же заходила сюда еще накануне и удивилась: мама вроде бы костюм уносила, но вот он — бедный и забытый, прямо с этой самой люстры и свешивается.

А теперь его не было...

Вовка даже икнула. Вот ведь чудится... Ясное дело, что мама забрала костюм, а вчерашнее ей просто приснилось. В таких-то потемках что сон, что реальность — все какое-то одномерное и однотонное.

Так и не отыскав пауэрбанк, Вовка выбежала из родительской спальни и на всякий случай прикрыла дверь. Согрела себе на газе овощей, вскипятила чайник и села на кухне ужинать при свечах. Хорошо хоть плита работала, и остаться голодной Вовка не рисковала.

Тьма была плотной, почти что жесткой, шершавой — как старые жернова. Сейчас сомкнутся и перемелют. Вовка усмехнулась, сфотографировала сверху тарелку с одинокой свечкой и запостила в «Инстаграм»*:

Романтика. Разносолы, иллюминация. @volnushka00, как тебе такой флэтлей?

Ники у Лёли везде были одинаковые. Ее сухопарый, долговязый, как богомол, брат Федя все ругал сестричку за неосмотрительность: «Вычислить тебя на раз плюнуть». Лёля отфыркивалась: «Да кому надо-то?»

Социальные сети Федя вообще недолюбливал, но Вовка была солидарна с Лёлей — кому эти ее картинки понадобятся?

Лёля обычно отвечала сразу. Но в этот раз телефон все чернел и чернел пустым экраном.

Уехала она, что ли? Для деревни сейчас, конечно, самое время, и сдавать Лёле больше ничего не нужно. Отправила свои ЕГЭ в три вуза и сидит преспокойненько, ждет. А может, совсем и не ждет. Она факультеты выбирала от балды.

— Менеджмент — это раз. Менеджерить — это прямо мое, — объясняла Лёля, трясая крашеной челкой. — Маркетинг — это два. Понятия не имею, что это такое, но, говорят, креативно. Ну и этот... Педагогический на крайняк. Училкой тоже можно. Плохо, что ли?

Да Лёле наплевать, поступит она или нет. Наверняка в деревне... Только вот почему Вовке не сказала? Хоть строчку б черканула, хоть фоточку какую-нибудь прислала. Интересно же. Но если там у них и правда ничего не ловит, то какие уж фотографии...

Вовка вздохнула, глянула на заряд — девять процентов — и, захватив свечу, отправилась укладываться. Каким же бестолковым становится день с наступлением темноты! А если зарядки мало — вообще мрак. Во всех смыслах.

Проходя мимо спальни родителей, Вовка поколебалась. Остановилась, согревая пальцы о пламя свечи, и поежилась. В движении тени разбегались по углам, как испуганные мыши. А теперь, когда Вовка стояла, тьма сжалась еще крепче, коридор скупно сузился и стиснул стенками. За кухонным окном громы-хали трамваи. Взыл мотоцикл. У самого подъезда прошуршали шины. Щелкали и щелкали настырные часы.

Вовка толкнула дверь родительской спальни и обмерла.

С люстры свисал костюм.